

Екатерина Шаврина:

Любила по-настоящему всего раз



Пономаренко в столицу не хотел категорически, хотя его туда звали неоднократно. Так что Гришку, первенца моего, взяла в охапку и в Москву, в Москву...

Всем мужьям оставляю по квартире

— Слышал, нелегко вам было. Тем более что принять помощь от отца ребенка вы категорически отказались.

— Я с сыном снимала на Петровке проходную комнату, за которую очень прилично приходилось платить. Моих певческих заработков не хватало, я ведь в Москве мало тогда кого знала. У Пономаренко брать ничего не хотела, потому что, во-первых, Москва — мое решение. Во-вторых, у него уже новая семья образовалась. И потом, Пономаренко вообще не хотел, чтобы я была артисткой. Единственная приемлемая роль — чтобы показывала его песни другим певцам, демонстрационную такую функцию исполняла. А мне ведь собственное творчество хотелось! Так что, когда с ним рассталась, я просто свободу обрела, ведь он так довлек меня — и авторитетом, и возрастом. Долго от него пряталась, к телефону лишний раз полойти боялась.

Однажды пошла в свой ЖЭК и попросилась мыть подъезды. Так начальница, старая тетя, меня не узнала. И слава Богу, взяла на хорошую ставку уборщицы. Так что и свой подъезд мыла, и с кошками по подвалам и чердакам боролась: в мешок их складывала, а они меня царапали и кусали. А что не узнавали меня люди, платочком по самым глазам обматывалась и убирать старалась только по ночам. Соседи-то знали, что здесь живет Шаврина. А что она еще и подъезд мой, не догадывались. Я же знала: все это временно.

— А что же Григорий Пономаренко?

— До последних его дней мы поддерживали теплые дружеские отношения. Потому как со всеми своими мужьями мы расставались дружно. Покупая им квартиру — и расстаюсь! Самое странное, что после меня они почему-то не женятся — так одни и живут.

— Причем не только в Москве, но и в Германии. Как вышло, что один из ваших мужей — немец?

— Ну это он теперь немец. А познакомились мы, когда он еще был нашим российским бизнесменом, владел ресторанами в Москве. Но тут ему не дали раз-вернуться — ракет сильно наезжал. Поэтому я увезла Сашу в Берлин, где в левые работы работала в популярном русском ресторане «Катюша», познакомила с хозяйном заведения, который сильно помог. Сначала у Саши в Берлине отель появился, а теперь и на Канарах.

— Остальных членов семьи тоже обустроили?

— Нас только в Москве три сестры — Таня (она сейчас мой концертный директор), Рада (полковник МВД) и я. У нас и квартиры у всех рядом, в центре Москвы, и дома в подмосковной деревне тоже. Две сестры в Тюмени — офицеры МВД. Плюс брат Васи-

лий там же. Артистом хотел быть, как и я, но не сложилось.

— За что сына еще школьником определили в подмастерья к Славе Зайцеву?

— Ему тогда, в детстве, нужен был аквариум и велосипед. Денег карманных я ему не давала принципиально. Вот и сказала: «Заработай и купи!» Начал с того, что демонстрировал коллекции детской одежды. Потом и шить замечательно научился. Когда джинсы у нас невозможно было купить, Гришка обшивал всю Красную Пресню. И до сих пор это ремесло его кормит.

На что тот маньяк покушался: на меня или на шубу?

— С Красной Пресней у вас, наверное, связаны самые разные воспоминания...

— Пресню по-прежнему люблю, это моя молодость. Я ведь и сейчас в Краснопресненском районе живу, только ближе к центру, на Спиридоновке (бывшая ул. А. Толстого, где обожали селиться члены политбюро. — А.м.): в охраняемый квартал меня переселили распоряжением председателя Моссовета Промыслова после покушения. Уж не знаю, на что тот маньяк позарился: на меня лично или на шубу мою песцовую? Я возвращалась с концерта, а он подкараулил меня в подъезде, влихнул в лифт, приставил нож и начал душить. Я растерялась сначала, пыталась кричать, а он вель душит так, что и не пикнешь. Потом уж я разошлась, набросилась на него с кулаками и ногтями, и он бежал сломя голову. У меня одна мысль была: раз уж я умираю, то ему хотя бы больно сделать должна.

Полуживая, ввалилась к соседям на первом этаже, они миллион сразу вызвали, которая весь район оцепила, чертенок проседала, но так его и не поймала. Во избежание вторичного нападения меня тогда местные власти и переселили.

— В чем, в чем, но в могущественных покровителях у вас, кажется, никогда недостатка не было. Одно имя Фиделя Кастро чего стоит.

— А у него вообще манера такая — любить женщин. При этом он весь из себя джентльмен до мозга костей. Так как я была в группе советских артистов самой юной, то он ко мне особенно протиснулся. Несмотря на то, что на Кубе мы находились под круглосуточным присмотром родных казгубовников, Фиделью после официального концерта удалось подослать ко мне своего бойца Соню — комсомолку, учившуюся прежде политтримоте в СССР и свободно говорившую по-русски. Она одновременно и переводчицей была, и телохранителем: всегда с пистолетом ходила. Вообще очень хорошая и приятная девка. Обожаю Соню и всегда со слезой вспоминала его: у нее здесь парень был, очень она скучала по нему. Соня тайно усадила меня в «Бьюик» и привезла на банкет, где гуляло фиделево правительство. Там и он сам был, и брат его Рауль, и женщины какие-то. Я потом еще семь раз была на Кубе — по личному приглашению Фиделя. Всегда звонила Соня и спрашивала, могу ли я приехать. А потом уже от поездов туда отказываться стала. Надоело.

— Что так? От людей сведущих слышал, что товарищ Кастро настоятельно просил вас остаться навсегда и чуть не остров в океане за это сулил...

— А что там хорошего? Влюбники мне там никого не надо, яхт и дворцов — тоже. А то, что мне там горы златые обещали... Мне вон в Арабских Эмиратах тоже много чего предлагали, но я же не польстилась.

— По тем же соображениям?

— Мне всегда хотелось отдыхать в собственном доме у моря. Съездила как-то с семьей в Шардж, очень там понравилось. Почему бы, думаю, не купить здесь дом на побережье? Вот и отправилась с переводчицей влодь берега торговать себе дом из тех, что на продажу выставлены. Звоню в один ворота: «Я вот слышала, что этот дом продается». А мне отвечают: «Может, какой другой,

— Все-таки дом на берегу моря вы купили. Пусть не в Эмиратах, а на Кипре.

— А все почему? Потому, что в один прекрасный момент меня достала наша русская зима. Так грустно, так скучно! Пригласили меня как-то друзья московские погостить в их частном доме на Кипре. Кипр мне приглянулся, не долго думая, купила и себе там дом, предварительно продав подмосковный. У меня так всегда — один продаю, следующий покупаю.

Я у Пугачевой хлеб не отбираю

— Не могу не спросить у вас о концертах в ООН. Вы ведь, кажется, единственная из советских артистов там выступали?

— А вот так не надо писать, не надо никого обижать. Кто-то написал когда-то, и меня это очень покорило. У меня никог-

В отношении меня у него были намерения самые серьезные. После смерти жены звал меня замуж. А я все, дура, думала: как же я там в Бразилии без России своей жить-то буду?

но не этот. Это вообще дом брата шейха». В этот момент подбежал длинный белый лимузин, из которого выходил, суя по всему, шейхов брат, женщина и слуга с поклажей. Вот и интересуется этот господин, кто мы такие. Я отвечаю, что русские, живем рядом в отеле, мимо их участка каждый день плаваем. После чего он приглашает нас на веранду. Попили зеленый чай, ром, пошутили, посмеялись. Хозяин отправил нас провожать и выруг спрашивает, что я сегодня вечером делаю. Я страшно удивилась: думала, он на мою молодую красивую переводчицу задал, и старалась отойти в сторону, чтобы оставить их вместе. А он на меня все смотрит и смотрит: «Идите ближе, что же вы так далеко отходите?». Словом, мы подружились. Катились с ним на яхте, были у него на вечеринке, где он меня ни на шаг от себя не отпускал. В итоге заявил, что раз я хотела приобрести этот дом, то могу оставаться и жить в нем. И в других его домах тоже. Потом он несколько раз звонил мне в Москву, но...

— Старинная ваша подруга Алла



«Слышь, хозяйка, а не много вопросов этот корреспондент задает, а?»

Борисовна, вспоминая совместную учебу в ГИТИСе, говорила: «Катя хоть черта лысого уломает. Лишь только взглянет своими бездонными синими глазами, так и экзамен, и зачет у нее в кармане...»

— А жизнь вообще воспринимала как анекдот. И когда со мной начинаю серьезничать о чем-то, то мне смешно сразу становится. Ну, подумай, беда: зачет не поставили, так в другой раз поставят! Но это у меня такое отношение было. А вот у Аллы, наоборот, глубокое очень.

— Мне что странно: Пугачева в особо нежной дружбе с женщинами, с женщинами-коллегам и подругами, отродясь замечена не была, а вот о вас десятилетиями тепло отзывается...

— Ну не знаю, может, и есть в наших отношениях какая-то искра, симпатия. А если честно, ведь некогда нам, артистам-то, дружить нормально, вечно все в разбеге: один здесь, другой там. Да и почему бы нам не дружить? Ведь делить-то нечего: Алла очень талантлива, но ведь и я небесталанна. В жизни ни одной певичке не завидовала и не буду. У меня на эстраде своя ниша, у Аллы своя. Мы друг у друга хлеб не отбираем. Мы обе всю жизнь учились. Я вот Всероссийскую студию эстрадного искусства закончила, следом Ипполитовское училище, потом ГИТИС, а сейчас опять думаю, куда бы мне еще поступить? Очень нравится Институт гостиничного хозяйства, вполне могла бы управлять отелем.

— Можно еще раз про любовь? Можно и не раз!

— Неужели вы всегда оказывались сильнее ваших избранников и в итоге разочаровывались в них? Или все же была в вашей жизни

красивая сказка, которую до сих пор с трепетом вспоминаете?

— Да, я была влюблена один раз по-настоящему. Мы с покойным певцом и композитором Женей Мартыновым и группой всяких других деятелей приехали от общества советско-бразильской дружбы в Рио-де-Жанейро. И нас принимал писаный красавец, мэр города, очень молодой для руководства мегаполисом — 38 лет всего. И его будто током ударило, когда нас знакомили. Одна подруга знает, сколько было пролитых слез. Он ведь несвободен был, но жена его умирала от рака. Я летала в Рио не раз и не два. В отношении меня у него были намерения самые серьезные. После смерти жены звал меня замуж. А я все, дура, думала: как же я там в Бразилии без России своей жить-то буду? В очередной приезд в Рио-де-Жанейро узнала, что мой возлюбленный больше не мэр. Его повысили, перевели в столицу работать в правительство. Больше мы с ним не виделись...

— Так вы пенсионеркой могли стать еще лет в 30: есть 15 лет профессионального вокального стажа — пожалуйте.

— Ну да, по закону я уже сто раз пенсионерка. Но что такое пенсия в полторы тысячи рублей? Я и дочке своей второй из-за такого издевательского над человеком суммы в полторы тысячи по окончании мединститута врачом работать запретила: «Давай-ка, Жанка, поищем другую работу, раз наше государство так низко труд врача оценивает». Нашли. Теперь она у меня салоном красоты управляет.

— Можно еще раз про любовь? Можно и не раз!

— Неужели вы всегда оказывались сильнее ваших избранников и в итоге разочаровывались в них? Или все же была в вашей жизни

■ Андрей Домнин.